

Даньдань давно стал ему родным. Ради малыша Жун Чэньцзюнь был готов на всё — даже зная, как это тяжело, он упрямо цеплялся за призрачный шанс спасти кроху.

Но почему так поступал Цзю Цзинь? Неужели только потому, что Чэньцзюнь был его сыном? Неужели лишь из-за того, что он сам дорожил Даньданем, тот без лишних слов принёс эти бесценные сокровища и выложил перед ним?

В этот миг Жун Чэньцзюнь так разволновался, что едва не расплакался. Он не знал, как выразить обуревавшие его чувства, — то ли это была щемящая горечь, то ли глубокое изумление. Но одно он понимал отчётливо: поступок Цзю Цзиня тронул его до глубины души.

Некоторое время он молча созерцал траву трансформации духа, пытаясь совладать с нахлынувшими эмоциями. Наконец, справившись с собой, он поднял голову и негромко, но твёрдо произнёс:

— Спасибо.

Цзю Цзинь слегка опешил:

— Не стоит благодарности. Я твой отец-владыка, и это мой долг. Я и так слишком сильно перед тобой виноват.

В его голосе сквозило раскаяние, и Жун Чэньцзюнь это уловил.

Ему показалось, что в душе рядом с могучим деревом, взращённым любовью к Даньданю, робко пробился новый зелёный росток.

Больше он ничего не сказал. Лишь молча принялся открывать шкатулки одну за другой, показывая их содержимое отцу.

Тот давно уловил витавшее между отцом и сыном напряжение и сидел тихо, словно нахохлившийся перепел, боясь проронить хоть слово. Лишь когда молодой господин заговорил, он с облегчением выдохнул и сосредоточенно принялся за осмотр трав.

Закончив, он просиял:

— Молодой господин, здесь почти всё, что нужно Даньданю! Девять десятых! Не хватает только демонической орхидеи и солнечной ганодермы!

Жун Чэньцзюнь обрадовался:

— И насколько он поправится, когда примет всё это?

Цзи Цзин причмокнул:

— Процентов на восемьдесят — точно. Без труда сможет достичь пятой стадии самосовершенствования, а это как минимум три тысячи лет жизни в запасе.

Никогда ещё Чэньцзюню голос этого пернатого пройдохи не казался таким прекрасным. Настоящая небесная музыка!

— Чудесно... Просто отлично! — выдохнул он, не в силах сдержать радость.

Он бережно закрыл коробки. Каждая травинка теперь была залогом здоровья его малыша, повредить их было нельзя. Он подошёл к Цзю Цзиню и, преодолевая неловкость, повторил:

— Спасибо тебе.

Сначала он порывался спросить, сколько стоят все эти редчайшие снадобья и камни духа, чтобы вернуть долг. Но тут же вспомнил безумный курс обмена земной валюты на духовные ресурсы. Ему бы не хватило денег, даже если бы он продал всю свою корпорацию. Пришлось отказаться от этой глупой затеи.

Цзю Цзинь уловил перемену в настроении сына. Заметив его робкую настороженность, он ощутил укол щемящей грусти.

Ведь это был его родной сын! Единственный наследник великого рода девятихвостых лисиц Цинцю, будущий повелитель всех лис поднебесной. Божественный зверь, которому с рождения полагалось купаться в роскоши и безграничной любви. А теперь он робел и волновался из-за такой малости.

Он прекрасно видел, что Чэньцзюнь оттаял. У этого мальчика была хрупкая, чистая душа — из тех, что на каплю тепла отвечают лавиной благодарности. С виду колючий и резкий, а внутри — мягкий, как воск.

«Как же сильно я перед ним провинился...» — мысленно вздохнул отец.

Подавив щемящую тоску, он мягко произнёс:

— Если действительно хочешь меня отблагодарить, позволь мне остаться здесь.

Чэньцзюнь уставился на мужчину, чьи черты лица так разительно напоминали его

собственные, решив, что ослышался:

— Что?

— Я не знал о твоём рождении и упустил лучшие годы твоего взросления. Это моя вина, — тихо сказал Цзю Цзинь. — Но теперь, когда мы встретились, я хочу исполнить долг отца. Если я буду жить рядом, мне будет проще заботиться о вас. Отныне тебе не о чем беспокоиться. Делай то, к чему лежит душа, я поддержу любое твоё начинание. А если случится беда — просто скажи мне.

Цзю Цзинь веками держался особняком, прослав нелюдимым и высокомерным гордецом. Слова из него обычно приходилось вытягивать клещами, и столь длинная, прочувствованная речь далась ему с трудом. Но он понимал: если не объясниться сейчас, его ранимый и чуткий сын может истолковать всё превратно.

Внутри у Чэньцзюня всё перевернулось от неловкости, а он почувствовал, как сердце защемило от странного, непривычного тепла. Он приоткрыл рот, но так и не нашёл возражений.

— Поступай как знаешь. Хочешь жить здесь — живи, — буркнул он и поспешно скрылся в ванной, спасаясь бегством от этой щекотливой сцены.

В ванной И Даньдань как раз старательно вытирал личико полотенцем. Увидев забавного карапуза, Чэньцзюнь наконец перевёл дух, возвращаясь к привычной реальности.

— Малыш, почему ты сегодня так быстро управился?

— Да нет же, как обычно! — пискнул кроха.

Он уставился на Жун Чэньцзюня широко распахнутыми глазками:

— Жун-жун, ты сегодня такой красивый!

— Разве я не всегда такой? — шутливо удивился Чэньцзюнь и скользнул взглядом по зеркалу.

И застыл.

В отражении... Неужели это действительно он?!

«Какого чёрта, на меня словно наложили десяток ретуширующих фильтров! Откуда эта неземная, завораживающая красота?»

Он недоверчиво коснулся своих щёк, очертил губы. Лишь спустя минуту до него дошло: этот ослепительный красавец в зеркале — он сам.

— С ума сойти...

Поддавшись секундному самолюбованию, он прижал ладонь к стеклу. Отражение повторило жест — манящее, словно экзотический цветок.

Маленький яичный дух вспорхнул, опустился к нему на плечо и уютно устроился в ямке над ключицей. Вместе с Чэньцзюнем разглядывая отражение, он восторженно вздохнул:

— Жун-жун, ты так прекрасен, что это просто преступление...

Если бы подобное произнёс взрослый, это прозвучало бы двусмысленно и соблазнительно. Но из уст крошечного существа, которое сидело на плече, подперев щёчки кулачками, эти слова звучали невероятно забавно.

Чэньцзюнь не выдержал и звонко рассмеялся.

Даньданю в этот миг вспомнилась древняя поэтическая строка: «Один лишь взгляд — и расцветает тысяча улыбок».

Малыш подумал, что никогда в жизни не встретит никого прекраснее своего Жун-жуна. От одного взгляда на него сердце забилось чаще, а скорлупка заливалась пунцовой краской, превращая его в спелое пасхальное яичко.

Отсмеявшись, Чэньцзюнь мягко поправил кроху:

— Держись крепче, егоза. Я сейчас наклонюсь, не упали.

Даньдань послушно засеменил повыше, перебираясь на само плечо и щекоча шею.

Чэньцзюнь ополоснул лицо прохладной водой и пошёл на кухню:

— Даньдань, ты слышал, о чём мы говорили в комнате?

Кроха крепко обнял его за шею, ласково притираясь к щеке:

— Слышал! Жун-жун, я теперь проживу целых три тысячи лет!

На душе у Чэньцзюня потеплело. Спускаясь по лестнице, он бережно погладил малыша по голове:

— Не переживай, лапушка. Как только завершится весенний показ, мы сразу отправимся на поиски оставшихся лекарств. Я поставлю тебя на ноги, чего бы мне это ни стоило.

— Даже если не найдём — не страшно, — тихо пробормотал Даньдань. — Трёх тысяч лет мне с лихвой хватит. Встретить тебя — это самое большое счастье в моей жизни.

— А для меня самое большое счастье — это ты, — улыбнулся Чэньцзюнь.

Их трогательная нежность была настолько приторной, что сидевших внизу на диване монстров передернуло.

«Неужели сын держится со мной так прохладно просто потому, что я не умею подбирать такие ласковые слова, как это говорящее яйцо?» — невольно задумался Цзю Цзинь.

Спустившись, Чэньцзюнь сразу ушёл на кухню готовить завтрак, а Даньдань спикировал к Цзю Цзиню.

С самым серьёзным видом приземлившись на журнальный столик, кроха чинно поклонился величественному лису:

— Господин Цзю, примите мою искреннюю благодарность.

Взгляд Цзю Цзиня смягчился:

— Тебе не за что меня благодарить. Скажи спасибо Чэньцзюню. Я сделал это только ради него.

Малыш преданно посмотрел на него:

— Это совсем другое! Жун-жуну я благодарен всей душой, но и вам обязан жизнью.

— Что ж, — кивнул Цзю Цзинь. — В таком случае лучшей благодарностью будет твоя забота о моём сыне. Береги его.

Даньдань со всей серьёзностью кивнул. Маленький, хрупкий, но упрямый, он в этот миг походил на молодое деревце, готовое противостоять любым бурям.

Доносившийся из кухни стук посуды говорил о том, что Чэньцзюнь не мешает их разговору. Он понимал: Даньдань поступает правильно. Столь щедрый дар они не смогут вернуть ещё очень

долго, но простое человеческое «спасибо» было тем малым, что они обязаны были предложить.

Поскольку сегодня нужно было ехать в Ассоциацию монстров оформлять визы, Чэньцзюнь решил не заезжать в офис, а потому не пожалел времени на роскошный завтрак.

Вскоре стол ломился от яств: ароматная рисовая каша с зеленью и свининой, хрустящие тосты, наваристая лапша с говядиной, сытные сэндвичи и пышные домашние паровые булочки-баоцзы. К ним он подал пикантную маринованную горчицу и малосольные огурчики собственного приготовления. Такого пиршества хватило бы на целую прорву гостей.

Цзю Цзинь не притрагивался к человеческой еде больше двадцати лет. Расставшись с матерью Чэньцзюня, он замкнулся в себе, возненавидел всё, что напоминало о мире смертных, и погрузился в глубокий сон.

Проснувшись, он обнаружил, что мир за пределами его обители изменился до неузнаваемости. Признаться честно, эти перемены его пугали и дезориентировали.

В прежние времена он любил и ценил жизнь. Объездив весь земной шар и устав от суеты, он засыпал на десятилетия, чтобы, воспрянув, с детским любопытством изучать плоды технического прогресса. Пожил среди людей и, пресытившись новыми впечатлениями, вновь смыкал глаза.

Его предпоследний сон начался два века назад, когда Поднебесную раздирали смута и хаос. Разочарованный упадком, он вернулся в Цинцю и проспал долгие сто семьдесят лет.

Пробудившись, он обнаружил совершенно иную страну. Несколько лет он увлечённо путешествовал, пока судьба не свела его с той, кто впервые за десять тысяч лет заставила его сердце биться чаще.

С матерью Чэньцзюня, Цзян Минь, они были неразлучны. Какое-то время их союз казался идеальным, но судьба распорядилась иначе. Минь-эр ушла, забрав с собой тайну о своей беременности.

Отец так и не узнал, какая драма разыгралась после их расставания и почему его новорождённый сын оказался выброшенным в мусорный бак на обочине дороги.

За последние два десятка лет страна преобразилась ещё разительнее. Цзю Цзинь ловил себя на мысли, что стареет: у него больше не было желания исследовать этот стремительно мчащийся вперёд мир. Ему хотелось лишь одного — быть рядом с сыном, оберегать его и направлять до тех пор, пока тот твёрдо не встанет на ноги.

Разжёвывая кусочки домашней еды, приготовленной заботливыми руками сына, он едва сдерживал слёзы. Проскитавшись по свету десять тысяч лет в гордом одиночестве, он наконец

обрел гавань. Ему хотелось бросить к ногам Чэньцзюня весь мир, лишь бы услышать заветное слово «отец».

Правда, надеяться на высокопарное «отец-владыка» не стоило — Чэньцзюнь скорее откусил бы себе язык, чем произнёс столь пафосное обращение, отдающее подростковым максимализмом. Обычное «отец» устроило бы старшего лиса ничуть не меньше.

Пока Даньдань уплетал за обе щёки, не переставая нахваливать стряпню, Цзю Цзинь тоже аккуратно прожевал кусочек баоцзы и сдержанно заметил:

— Весьма недурно.

Ответ Чэньцзюня был далёк от той нежности, с которой он потчевал малыша: «Кушай, золотко, хочешь ещё булочку?» — вместо этого парень буркнул сухое:

— Рад, что тебе понравилось.

Но и этого Цзю Цзиню хватило с лихвой. Когда все насытились, он в одиночку подчистил все оставшиеся на столе тарелки.

Заметив, что сын собирается прибрать со стола, он послушно поднялся со стула и принялся неумело помогать с грязной посудой. Куда делись его вековое высокомерие и гордость грозного божественного зверя? Сейчас он выглядел обычным растерянным родителем, из всех сил пытающимся угодить своему ребёнку.

Глядя на эти неловкие попытки, Чэньцзюнь снова почувствовал, как тает его ледяная броня.

Когда с делами было покончено, они вчетвером отправились в Ассоциацию монстров, чтобы оформить необходимые визы. По дороге Цзю Цзинь предвкушал, как представит своего потрясающе одарённого наследника старым приятелям, которые ещё не успели впасть в спячку. Пусть эти древние ящеры и птицы лопнут от зависти!

<http://bllate.org/book/18224/1752245>